

УДК 321

doi: 10.15421/171719

Механизмы консервации российского моноцентризма: историко-политологический очерк

Е.А. Трофимов

trewal15@yandex.ru

*Амурская региональная Академия наук и образования,
675000, Россия, Амурская область, Благовещенск, ул. Горького, 95*

В статье рассматриваются исторически сложившиеся методы консервации российского моноцентризма. Отмечается, что Российское «государство» приобретает моноцентрический персонифицированный характер в период крещения Руси и татаро-монгольского ига, который сохраняется на протяжении веков. Выявлены основные механизмы консервации российского моноцентризма: а) сакрализация суверена (как персоны, так и его властного статуса), б) консервация доклассовой структуры общества, в) фрагментация элитных групп и создание альтернативных им в функциональном плане политических акторов и чрезвычайных органов, г) функциональная перегрузка и дублирование полномочий государственных «учреждений», клиентелизм, д) использования популизма, репрессий и цензуры, с формированием Государственной Думы – избирательные технологии. Во все времена существовали закрытые (гильдийные) механизмы формирования института персонифицированного лидера.

Цель исследования заключается в выявлении основных механизмов консервации персоналистского моноцентрического характера российской политики.

Гипотеза исследования: с течением веков у Российского «государства» сформировался комплекс механизмов, обеспечивающих «хороший» эквilibrium (равновесие) в рамках архаичной политической системы.

Методы исследования: диалектический, исторический, логический.

Ключевые слова: механизмы консервации моноцентризма; самодержавная система; политическая стагнация; архаизация

Mechanisms of the Russian monocentrism conservation: historical and politological essay

E.A. Trofimov

trewal15@yandex.ru

*Amur regional academy of science and education,
95, Gorky St., Blagoveshchensk, Amur Region, 675000, Russia*

An analysis of the historical past is one of the ways of understanding of the present and the future. Evaluation of the past allows revealing that the Russian «state» was historically evolved as a personified one. Grand dukes, monarchs, general secretaries de facto were sole rulers, who subordinated the functioning of the political system to their interests.

It has been found in the study that the basis for preserving the subjectivity of the autocrats and the non-institutionalization of other political actors in both tsarist and soviet Russia was a system of historically established mechanisms that ensured a «good equilibrium (balance) within the framework of archaic politics.

It has been noted in the article that the main mechanisms for monocentrism's maintaining are of a patrimonial nature, which is closely connected with primordial values.

The main directions of the preservation of the state monocentrism have been singled out: a) the strengthening of the power potential of the autocrat (the sacralization of the status and personality of the autocrat, identifying him/her with the Divine Viceroy or the representative of the whole population; provision to the sovereign ample opportunities to select elites and non-institutionalization of «state bodies», clientelism, etc.); b) the weakening of elites (the formation of a conflict inter-elite space, the reproduction of the conflict between the elites («boyars» and «party nomenclature»), represented in «institutions» and the population, c) Sustaining the society at the pre-class level, while preserving its primitive organization - the sovereign and «the others» (employees and officials); d) the use of repressive practices, censorship, which are aimed at the creation of a sense of fear among the population with its orientation toward serving the sovereign state as a guarantor of the integrity and stability of the system. These mechanisms are intertwined and complement to each other, contributing to the preservation of politics in its initially formed form.

The conducted research broadens the nature the «Russian power» concept, deprives it of the mythological core, and allows developing (borrowing from the general civilization paradigm) alternative mechanisms of Russian political management that orient the «state» to serving individuals and peaceful coexistence with various actors of the world political system.

Keywords: mechanisms of monocentrism conservation; autocratic system; political stagnation; archaization

Цитування даної статті: Трофимов Е.А. Механизмы консервации российского моноцентризма: историко-политологический очерк / Е.А. Трофимов // Научно-теоретический альманах «Грани». – 2017. – Т. 20. – № 2(142). – С. 10-19.

Citation of this article: Trofimov, E.A., 2017. Mechanizmy konservatsii rossiyskogo monotsentrizma: istoriko-politologicheskii ocherk [Mechanisms of the Russian monocentrism conservation: historical and politological essay]. Scientific and theoretical almanac «Grani» 20; 2(142), 10-19. doi:10.15421/171719 (in Russian).

Peer-reviewed; approved and placed: 15.12.2016

Механізми консервації російського моноцентризму: історико-політологічний нарис

Є.О. Трофімов

trewal15@yandex.ru.

Амурська регіональна Академія наук і освіти,

675000, Росія, Амурська область, Благовещенськ, вул. Горького, 95

У статті розглядаються історично сформовані методи консервації російського моноцентризму. Відзначається, що Російська «держава» набуває моноцентричний персоналізований характер у період хрещення Русі і татаро-монгольського ярма, який зберігається протягом століть. Виявлено основні механізми консервації російського моноцентризму: а) сакралізація суверена (як особи, так і його владного статусу), б) консервація докласової структури суспільства, в) фрагментація елітних груп і створення альтернативних їм у функціональному плані політичних акторів та надзвичайних органів, г) функціональне перевантаження і дублювання повноважень государевих «установ», клієнтелізм, д) використання популізму, репресій і цензури з формуванням Державної Думи – виборчі технології. В усі часи існували закриті (гільдійські) механізми формування інституту персоналізованого лідера.

Мета дослідження полягає у виявленні основних механізмів консервації персоналістського моноцентричного характеру російської політики.

Гіпотеза дослідження: з плином століть у Російського «держави» сформувався комплекс механізмів, що забезпечують «хороший» екілібріум (рівновага) у рамках архаїчної політичної системи.

Методи дослідження: діалектичний, історичний, логічний.

Ключові слова: механізми консервації моноцентризму; самодержавна система; політична стагнація; архаїзація

Постановка проблеми. Исследование государства имеет важное значение для понимания основных параметров политической системы и политического процесса. В соответствии с основным законом мироздания любая система стремится к гомеостазу, обеспечению баланса между составляющими ее элементами, взаимовлиянию и взаимоопределению, а, следовательно, характеристики государства, как органа, обладающего легитимным насилием, в значительной степени определяют характеристики общества и составляющих его политических акторов; в то же время и само *stato* испытывает давление со стороны индивидуумов и их союзов, трансформируется под их влиянием. Следует заметить, что государства в меньшей степени склонны к трансформации, так как обличены «особыми полномочиями». Наличие у государства права на легитимное насилие закономерно ведет к тому, что они становятся ингибиторами развития общества, препятствием на пути его развития, витализируя различные виды негативной политической нестабильности. В этой связи актуальным становится изучение механизмов, используемых государствами в процессе консервации сложившейся системы. В данной статье рассматриваются механизмы консервации российской моноцентрической государственной конструкции.

Анализ исследований и публикаций. Концептуальные аспекты данной проблемы в известной мере освещены в работах российских и зарубежных исследователей, в первую очередь, политологических, социологических и философских исследованиях А.С. Ахизера, В.В. Ильина, С.Г. Кордонского, И.М. Клямкина, А.Н. Олейника, Р. Пайпса, Ю.С. Пивоварова, Н.С. Розова, И.Г. Яковенко и других ученых. Ежегодно публикуются статьи, затрагивающие отдельные аспекты данной проблемы, применительно к российской политической практике – сакрализация персоны и статуса суверена; клиентелизм в воспроизводстве «государственных» органов и бюрократического аппарата; место популистских практик в

сохранении равновесия в базовой системе «индивидуум-гражданское общество – государство»; насилие и его роль в сохранении российской политической системы; трансформация избирательной системы и избирательные технологии и т. д. Вместе с тем, о наличии комплексного исследования по данной проблеме автору неизвестно.

Цель исследования. Выявить основные механизмы консервации российского моноцентризма для дальнейшей разработки стратегии вывода России из авторитарной «колеи» и складывания мозаичной структуры Российского государства, основанной на идее разделения властей и режиме сдержек и противовесов. Вывод России из авторитарной «колеи» способствует складыванию добрососедских отношений России с демократическими странами, в частности с Украиной.

Изложение основного материала. *Historia non facit saltus.* Обратившись к историческому прошлому страны, можно обнаружить, что на протяжении веков Российское «государство» представляло собой великих князей, монархов, генеральных секретарей, которые *de facto* являлись единоличными верховными правителями. Высшая властная позиция, – отмечает проф. Н. С. Розов, в России всегда персонализирована. При этом официальный пост, занимаемый этой персоной, необязательно является формально и легально высшим, но обычно все знают кто «Главный», а когда не знают, это приводит к общей тревожности и неустойчивости политического порядка [34, с. 205]. В отдельные периоды политической истории властный потенциал самодержцев ограничивался властным потенциалом придворных групп, но практически никогда не уступал ему. Слабость суверена, ограниченного волонтаризмом и лишеного обратной связи с социумом приводила к свержению самодержца, в лучшем случае путем «государственного переворота», в худшем – революции. Мадам де Сталь назвала эту систему «абсолютной властью ограниченной удавкой».

Система с «удавкой», в которой центральное место занимает носитель власти-собственности и, одновременно, власти-жизни, в значительной степени была генерирована внешним фактором, превратившим страну в военный лагерь [31, с. 16], а также процессом христианизации Руси. Междоусобные феодальные войны, татаро-монгольское иго и последовавшая за ним централизация Руси располагали к принятию варианта государственного устройства, в котором центральное место занимает лицо, отвечающее за поражения и просчеты, озаренное Богом и обладающее «властью» над всеми, становящимися по отношению к нему холопами или рабами, то есть государем¹. Если структура европейских государств к концу XII-XIII века начинает обогащаться различными формами представительного правления [24, с. 19-20], то структура Российского государства в этот период стремительно деградирует: имевшиеся виды представительного правления, если не отмирают, то становятся декоративными [26]; формируемые же сувереном «учреждения» в условиях анабиоза «гражданского общества», подданства и сервильности населения оказываются инструментами сохранения его самодержавного правления.

Суверен – лицо, приближенное к Богу. Консервация суверен-государством доминирующего места в политике достигалась классическими для традиционного общества способами. В первую очередь речь идет о сакрализации суверена, отождествлении его с помазанником Божьим, Отечеством, выразителем интересов населения.

Начатый княгиней Ольгой проект по христианизации Руси в течение одного-двух веков лишил вольнолюбивый народ выбора богов и построил население в новые политические иерархии, в которых служение богам было заменено служением его «наместнику».

Сакрализация самодержца являлась важнейшим элементом укрепления моноцентризма, заставляя монархов как идти на подлог [32, с. 38], так и формировать новые идейно-политические доктрины и принципы сосуществования персоны-государства и церкви.

Сакральный статус самодержца, получающего «власть от Бога», позволял рассматривать его персона в качестве гаранта стабильности и безопасности социума, в известной мере сдерживая развитие олигархических тенденций, в том числе и претензий со стороны церковных иерархов. В отдельные времена последние устранились с политического поля, но это случалось тогда, когда религиозные служители выходили за границы дозволенного, проявляли излишнюю самостоятельность, противопоставляли себя самодержцу или ставили себя на один уровень с сувереном (например, Никон, сравнивавший себя с Солнцем, а царя – с Луной). Репрессии к церкви, не выходили за рамки общего механизма управления социумом, не превращали церковь в изгоя, а ставили ее в положение «равнозависимого». В большинстве же случаев фактор сакрализации позволял церкви сохранять приближенное положение к тирану, а озарение самодержца «божьей благодатью» со стороны церкви вознаграждалось политическими предпочтениями,

определяющими ее экономическое положение среди других политических акторов.

Сакрализирующий фактор имел место и в советский период. Но в СССР речь шла не о реализации идеи-принципа «симфонии властей», которая проявила себя на закате системы, а о замене православной религии марксистско-ленинскими догмами, превращении «государственных» служителей в служителей «религиозных», замене христианских икон коммунистической атрибутикой – портретами и бюстами генеральных секретарей (ЦК РКП(б), ЦК КПСС), олицетворявшими собой рабочий класс и крестьянство; партийным уставом и партбилетом, которые носили, как и христианские иконки и нательные кресты, рядом с сердцем [15, с. 351].

Фрагментация элит и неофициальные структуры. Сохранить доминирующее место в «государственной системе» и подавить появление альтернативных центров позволяла самодержцам фрагментация элитных групп, создание альтернативных им в функциональном плане политических акторов. Так, ослабление Боярской думы в середине XVI века было осуществлено с помощью выделения в ее составе «ближней думы», состоящей из узкого состава верных царю людей, с которыми монарх решал важнейшие тайные, экстренные и придворные дела; ослабление Сената, осуществленное, опасавшейся олигархических тенденций Екатериной II, было произведено путем его разделения на шесть департаментов, четыре из которых находились в Петербурге, а два – в Москве (вместо сенатской конторы); ослабление советской номенклатуры, достигалось перманентной актуализацией вопроса о недопустимости слияния партийных и административных органов при перераспределении между ними функций по конъюнктурным соображениям. Зачастую официальные органы игнорировались самодержцами, а их функционально подменяли неофициальные структуры, состоящие из ближайшего окружения верховного правителя. Так, в первые месяцы правления Анны Ивановны действовал неофициальный секретариат; при Александре I – Негласный (неофициальный) комитет; с конца 1857 года до ноября 1861 года неофициально действовал Совет министров.

Баланс «моноцентрическое государство – доклассовое общество». Ослабление «центров» потенциального противодействия самодержцам осуществлялось не только созданием конкурирующих политических структур, но и организацией общества, в которой выделялись не противостоящие друг другу классы, а рабы государевы и рабы помещичьи. «... вместо всех пышных разделений свободного народа русского на свободнейшие классы дворянства, купечества и проч. я нахожу в России два состояния: рабы государевы и рабы помещичьи, – писал М. М. Сперанский. <...> То, что довершает в России умерщвлять всякую силу в народе, есть то отношение, в коем сии два рода рабов поставлены между собой. Пользы дворянства состоят в том, чтоб крестьяне были в неограниченной их власти; пользы крестьян состоят в том, чтобы крестьянство было в такой же зависимости от престола. Крестьяне <...> взирают на престол как на

единое противодействие власть помещиков умерить могущее... Таким образом, Россия, разделенная в видах разных состояний, истощает силы свои взаимно борьбой их и оставляет на стороне правительства всю неограниченность действия» [38, с. 17]. Сословная система воспроизводилась и в СССР, и в постсоветской России, позволяя поддерживать общество на доклассовом уровне, его активно селектируя. Например, акад. Ю.С. Пивоваров, разделяя позицию американского исследователя Ш. Фицпатрик, цитирует последнего: «Главное свое значение в советском обществе классы имели для государственной системы классификации, определяющей права и обязанности различных групп граждан. Вот еще один парадокс: всячески подчеркивая идею классовой принадлежности, новый строй умудрился de facto вернуться к прежней, столь презираемой сословной системе, при которой твои права и привилегии зависят от того, кем ты официально считаешься – дворянином, купцом, представителем духovenства или крестьянином. В советских условиях «класс» (социальное положение) является атрибутом, определяющим отношение человека к государству...» (Цит. по: [27, с. 66-67]). Схожей позиции придерживается и проф. С. Г. Кордонский [13].

Чрезвычайные органы и функциональная перегруженность. Кроме параллельных дублирующих структур, широко использовалось создание «чрезвычайных органов». Роль «чрезвычайных органов», которыми, в частности, стали земские соборы, всегда была высока. Их политическую онтологию в моноцентризме раскрывает Ю.С. Пивоваров, размышляя о «правильных» и «неправильных» способах управления [28, с. 23, 24].

Во все времена «государственные учреждения» были перегружены функционально, что закономерно вело к снижению эффективности их деятельности, сбоям, накладкам, недоработкам, репродукции внутриэлитных конфликтов. Перегруженность «учреждений» требовала вмешательства самодержцев, позволяя им: а) укреплять личный авторитет среди населения, подвергая критике политическую и административную бюрократию; б) находясь над схваткой в бюрократических «войнах», усиливать арбитражный потенциал; в) осуществлять селекцию бюрократии, поддерживая наиболее лояльные группы.

Клиентелизм. Институциональное дробление, создание параллельных совещательных и иных «учреждений» при верховном правителе, функциональное дублирование, «двусмысленные послания» способствовали выстраиванию системы неформальных отношений, укрепляя формализм институционально-функциональной структуры *stato* и порождая различные формы клиентелизма.

Клиентелизм занимает особое место в сохранении моноцентрического государства. Клиентелистский характер отношений в политических системах макро-, мезо- и микроуровня политики является прямым следствием функционирования персонифицированного государства, а его поддержание – инструментом сохранения последнего. Дистанция между верховным правителем и подданными традиционно была велика и приводила к почитанию самодержца

и других акторов, находящихся на верхних этажах властной пирамиды, предоставляя, например, ближайшему окружению суверена в виде «обратного продукта» социальные гарантии, административную ренту и политическую защиту.

Впервые элементы клиентелизма выражено проявили себя в период возникновения институтов путных бояр и наместничества, позволив наиболее «гибким» князьям и боярам войти в княжеский двор и получить содержание от самодержца. С развитием системы социально-политических и экономических отношений клиентелизм проявился в фаворитизме. Фавориты играли важную роль в процессе принятия государственных решений, являлись «советниками» монархов по широкому кругу вопросов и имели права ограниченные исключительно *Regis voluntas*.

В ранний советский период назначения на должности также осуществлялись с учетом личных связей – во времена Гражданской войны в центре и региональных администрациях руководящие посты занимали руководители большевистской «дружины», лично знавшие И. В. Сталина [10]; в поздний период – родственники, друзья, знакомые, земляки.

В начале нового тысячелетия Московским общественным научным фондом была издана монография проф. М. Н. Афанасьева [1], посвященная отношениям господства и покровительства в России, рассматриваемым как отношения «патронов» и «клиентов». В исследовании отмечается, что клиентарные связи (отношения личной преданности и покровительства) являются важнейшей составляющей административного процесса в России, которые: «1) пронизывают практически весь аппарат, 2) оказывают решающее влияние на карьеру чиновника, 3) определяют путь разрешения конфликтов, 4) воспринимаются большинством управленцев как нормальные, естественные условия аппаратной деятельности» [ibid, с. 235].

Стабилизирующая функция клиентелизма обманчива. Приближая к себе «лояльных», верховный властитель создает, как минимум, две проблемы: первая – информационную среду, не позволяющую объективно оценить «внекорпоративную» обстановку и выработать адекватные ситуации решения; вторая – условия для увеличения критической массы недоброжелателей в ближайшем окружении. Последняя проблема хорошо изучена социальными психологами и социологами (См., например: [41, с. 140]).

Награда за служение. Сохранению моноцентрического государства также способствовали материальные и нематериальные стимулы – награждения, премирования, титулы и т. п. поощрения за службу, некоторые из них гарантировали получателям политические предпочтения. Опуская рассмотрение наместничества, заметим, что, начиная с XVIII века, важную роль в сохранении самодержавия получила практика награждения гражданских чиновников и командного состава армии и флота орденами и медалями. При этом награждения зависели от авторитарного решения и связывались не только с особыми заслугами по службе, но и проявлением личной преданности [4, с. 75]. В учреждении первого ордена Российской империи

устанавливалось: «в воздаяние и награждение одним за верность, храбрость и разные нам и отечеству оказанные заслуги» [39].

Награждали себя как монархи, так и генеральные секретари ЦК КПСС. Практически все генеральные секретари были удостоены ордена В.И. Ленина и медали Героя Советского Союза. Особенно отличился в этом плане Л. И. Брежнев. Следует полагать, что слабость Генерального секретаря ЦК КПСС к наградам была обусловлена не только его личными качествами, но и общей ситуацией в стране, стремлением убедить население в развитии советской системы периода «застоя», ее эволюционной трансформации и скором наступлении коммунистического рая.

Популизм и апелляция к населению. Механизмом сохранения монопольного правления верховных правителей является также популизм, в чрезвычайных случаях – апелляция к населению. Использование политического популизма как инструмента сохранения государственного моноцентризма в значительной мере определяется прагматическим положением самодержцев, наследственной или гильдийной системой приобретения «государственной власти», которые в условиях обществ цивилизационного процесса демократизации политик закономерно ведут к снижению степени их легитимности. Если в странах Европы процесс демократизации стимулировал развитие форм прямой и представительной демократии, то в персонализированной России ограничивался укреплением в сознании населения исторически сложившейся установки «царь хороший, а бояре плохие», помогая подданным виртуально совместить образы «светлого будущего» с конкретной персоной самодержца.

Популистский дискурс широко использовали Иван IV Грозный в период организации опричнины; Екатерина II, рекомендовавшая «отвращать злоупотребления рабства» и наказывать тех, «кто с рабами поступал свирепо» и, одновременно, предоставлявшая право помещикам ссылать крепостных за их «предерзостные поступки» на каторгу [3, с. 16]; и, Павел I в борьбе с дворянами и выстраивании союза с «чернью»: подписывая, в общем-то, либеральные акты (Манифест 5 апреля 1797 года, указы о земельных наделах казенных крестьян, отменяя рекрутский набор и т. д.), царь одновременно увеличивал число крепостных, раздавая казенные земли с населявшими их крестьянами в частную собственность [33, с. 281]. К популистскому дискурсу можно отнести создание в период общего кризиса феодально-крепостнического строя четвертого (благотворительного) отделения Собственной его императорского величества канцелярии, которое было призвано поддержать в народных массах царистские настроения, веру в справедливое, щедрое и милостивое царя; пропагандистские поездки царя Николая II в 1909 – 1911 годах, рассчитанные на его «общение с народом», а также ряд официальных юбилейных кампаний: пятидесятилетия падения крепостного права в 1911 году, столетия изгнания Наполеона из России в 1912 году и трехсотлетия дома Романовых в России в 1913 году.

К популистскому политическому дискурсу испытывали склонность и «строители коммунизма», за-

являвшие о скором построении «светлого будущего». Особенно ярко проявился популизм в период роста кризисных явлений в СССР, что в значительной мере подорвало отношение «обслуживающего сословия» к КПСС и ускорило крах советской системы.

В условиях «государственного» кризиса и обострения отношений с аристократическим большинством самодержцы апеллировали непосредственно к народу. Идея тесной связи народа и монарха отражена И. Л. Солоневичем в работе «Народная монархия» [37], а ее квинтэссенция заключается в том, что политической организацией народа является самодержавие, опирающееся на народное самоуправление. Апелляция к народу закрепляется также и в аксаковской формуле: «Народу — сила мнения. Царю — сила власти», исторически восходящей к вечевым сходкам жителям древней Руси. С процессами централизации и бюрократизации, то есть развитием управленческой системы, апелляция самодержца к населению становится одной из технологий поддержания самодержавия и нейтрализации его политических оппонентов.

Особенно ярко апелляции к народу проявились во время царствования Ивана IV Грозного после пожара в Москве 1547 года и учреждения опричнины, когда царь обращался к населению за одобрением своих действий [35]. В грамотах 1565 года Иван IV Грозный как бы спрашивал: «Желаете ли над собой меня, Русского Православного Царя, Помазанника Божия, как символ и знак своего избранничества и своего служения? Готовы поклониться под «иго и бремя» Богоустановленной власти, сослужить со мною, отринув личное честолюбие, жажду обогащения, междоусобицы и старые счеты?» (Цит. по: [29]).

Избирательные технологии. С созывом I Государственной думы важную роль в сохранении самодержавия заняли избирательные технологии. Представительство широких слоев населения в государственных думах ограничивалось не только их законосовещательным характером, но и ограничением права населения на участие в их формировании [17, с. 166], трансформацией избирательного законодательства [5, с. 189; 22, с. 172; 25, с. 57], усилением влияния полиции на избирательный процесс и устранением негодных избирателей, уполномоченных и выборщиков, субсидированием черносотенных организаций, активизацией духовенства.

«Выборы» в СССР до 1936 года оставались многоступенчатыми, не всеобщими, не равными и открытыми. С 1936 года некоторые элементы «четыреххвостки» были реализованы в духе большевистской партии: активное избирательное право de facto превратилось в обязанность [14]; пассивное избирательное право ограничивалось собраниями, находящимися под партийно-государственным контролем; принцип равных «выборов» нарушался нарезкой избирательных округов исходя из числа «сограждан», а не граждан, обладающих активным избирательным правом [8]; принцип тайных «выборов» нуллифицировался страхом «избирателей» — многие «избиратели» не заходили в кабины для голосования, опасаясь, что их уединение может представлять интерес для

представителей НКВД, под контролем которой проводились «выборы». Формальным был и принцип альтернативных «выборов». Таким образом, кадровый состав представительных органов определялся аппаратными методами и даже на закате советской системы, в процессе допуска к «выборам» общественных объединений, в списки кандидатов включались лица, принадлежащие системе [23, с. 186].

Политические репрессии и цензура. Действенным средством обеспечения единовластия верховных правителей является использование политических репрессий и цензуры. На протяжении всей политической истории России в осуществлении репрессивной и цензурной деятельности, прямо или косвенно, включалось как суверен-государство, так и все звенья бюрократического аппарата, но часто формировались и особые органы, к компетенции которых относились административные, контрольные, а нередко и судебные функции. Репрессивные и цензурные органы занимали особое место в управленческой системе и часто имели прямой выход на самодержца.

В Древней Руси широко использовались религиозные (в период христианизации) и сословные расправы. Хорошо известным фактом политических расправ является опричнина, в узком смысле – террор, осуществляемый Иваном IV Грозным по отношению к нелояльным боярам и представителям других групп². Опричники были призваны не только наказывать, но и запугивать население [36, с. 107].

В петровский и последующий периоды важными репрессивными органами являлись Преображенский приказ, а впоследствии Тайная канцелярия; Сенат и Верховный тайный совет; Тайная экспедиция, являвшаяся структурной частью Сената, но фактически выступавшая самостоятельным центральным учреждением. Данные «учреждения» обладали особыми полномочиями и специализировались на рассмотрении политических дел.

Судебные расследования сопровождалась пытками и предполагали доказывание вины подозреваемого. Судебный политический процесс конца XVII – начала XVIII века достаточно подробно освещает Н.П. Ерошкин, отмечая его бесчеловечный характер, ведущий к смерти обвиняемого, описывает изощренные методы наказания и умерщвления, приводившиеся в исполнение публично с целью «запугать народные массы, лишить их воли к сопротивлению возраставшей эксплуатации и закрепощению» [7].

В начале XIX века для рассмотрения крупных политических дел царем создавались высшие чрезвычайные органы, однако ключевая роль в политических делах принадлежала третьему отделению Собственной его величества канцелярии – органу политического сыска, следствия и политической полиции (жандармерии), находившегося под личным контролем Николая I и имевшим широкую компетенцию.

Учрежденный в 1872 году в составе Сената орган высшего суда по политическим делам «Особое присутствие для суждения дел о государственных преступлениях и противозаконных сообщениях» также был политически ангажированным, большинство дел о «государственных» преступлениях рассматривалось

при закрытых дверях или с приглашением благонамеренной публики по особым билетам, процессы часто проходили в ускоренном порядке, нередко отсутствовало предварительное следствие, выносились крайне жестокие наказания.

В связи с тем, что многие дела, рассматриваемые Особым присутствием, получали общественный резонанс, с 1878 года для ведения политических процессов начали применяться военно-окружные суды, рассматривавшие дела в закрытом и ускоренном режиме.

Борьбу с политическими преступниками в царской России вели и другие «учреждения»: Министерство полиции, имевшее возможности корректировать в интересах царя дела политических заключенных и выступать судебной инстанцией; Особенная канцелярия, действовавшая при аппарате Министерства юстиции и также имевшая судебные полномочия. Репрессивные функции выполняли также губернаторы и местные органы полиции, которые получали особые полномочия для обеспечения контроля за населением на вмененных территориях. В советской России остоном репрессивного аппарата являлись «органы государственной безопасности». Являясь политическими органами, они выполняли задачи по разоблачению и нейтрализации внутренних врагов [30]. Результаты их деятельности были впечатляющие – 20 миллионов убитых, а охват контроля всеобъемлющий – «не сорок, не шестьдесят, не сто тысяч человек работает на ГПУ. Какие пустышки! Миллион двести тысяч членов партии, два миллиона комсомольцев, десять миллионов членов профсоюза – свыше 13 миллионов (миллионов «чертовых джин!»)» по самой меньшей мере. Если взять этот актив уточнить, несомненно, цифра вырастит вдвое» [16, с. 31, 37].

Генеральный секретарь ЦК КПСС Н.С. Хрущев неоднократно заявлял об излишней самостоятельности «органов государственной безопасности» и попытках КГБ поставить себя над партией. Несмотря на то, что публикации документов «Особой папки» И.В. Сталина 1922–1953 годов, развеивают миф о всемогуществе органов безопасности [18; 19; 20; 21], заявления Н.С. Хрущева подчеркивают значение репрессивных органов в «государственной системе», тяготеющей к силовому решению конфликтов и византийским интригам. Что собственно и продемонстрировало «избрание» Л.И. Брежнева на пост Генерального секретаря ЦК КПСС и отстранение Н.С. Хрущева.

Государственные и репрессивные учреждения осуществляли также функцию цензуры, надзирая за обществом [11; 40, с. 4-5; 42, с. 7].

Царская воля: воспроизводство самодержавия *stante pede*. Воспроизводство института верховного правителя во времена осуществлялось в закрытом от населения режиме. До издания Петром I акта «Устав о наследовании престола», престол, по обычаю, переходил от отца к сыну, за исключением избрания в 1598 году Земским собором Бориса Годунова, в 1606 году – Василия Шуйского, в 1610 году польского королевича Владислава, в 1613 – Михаила Романова. С принятием Устава престол мог перейти любому по

царскому усмотрению, что, с одной стороны, способствовало укреплению патрон-клиентских отношений, с другой – вело к «смутам» и «государственным» переворотам.

Взошедший на престол Павел I принял «Акт о престолонаследии», который с минимальными изменениями просуществовал до 1917 года. В Акте определялось преимущественное право на наследование престола за мужскими членами императорской фамилии: наследие престола принадлежит старшему сыну царствующего императора, а после него всему его мужскому поколению; по пресечении мужского поколения первого сына, наследство переходило в род второго сына императора и в его мужское поколение; по пресечении второго мужского поколения – в род третьего сына и так далее. При пресечении последнего мужского поколения сыновей императора престол оставался в том же роде, но в женском поколении. Кроме того, Акт содержал положения о непризнании законными женитбы членов императорского дома без дозволения государя, о невозможности восшествия на российский престол лица, не принадлежащего к Православной Церкви; устанавливал совершеннолетие для государей и наследников по достижении 16-летнего возраста, а для прочих членов императорской фамилии – 20 лет; на случай восшествия на престол несовершеннолетнего государя предусматривал назначение правителя и опекуна.

В 1820 году император Александр I дополнил нормы о престолонаследии требованием равноправности браков, как условия наследования детьми членов Российского Императорского Дома.

После октябрьских событий 1917 года в России сложилась парадоксальная ситуация, внешне демонстрирующая отказ от моноцентризма – государственная власть была передана Съезду Советов – высшему коллегиальному органу «государственной власти», исполнительные функции от его имени осуществляли народные комиссары. Устав РКП(б) 1919 года закрепляет более сложную структуру руководства, предусматривая образование Центральным Комитетом партии для политической работы Политического бюро, для организационной работы – Организационного бюро и Секретариата во главе с секретарем, членом Организационного бюро ЦК РКП(б). Предполагалось, что Политическое бюро (Политбюро) партии будет осуществлять выработку политического курса и задавать направление развития для сросшихся партийных и государственных институтов, Оргбюро – заниматься организационными вопросами, а Секретариат – вести техническую, практически канцелярскую деятельность; но в дальнейшем выяс-

нилось, что без участия аппарата партии (в который превратился Секретариат) не обходится ни одно дело. Должность Секретаря стала из технической определяющей, а сам Секретариат в соответствии с Уставом ВКП(б) 1926 года стал структурой самостоятельной, осуществляющую текущую работу «организационного и исполнительного характера», то есть всю, за исключением идеологической. С исполнением функций Секретаря Л. И. Брежневым, Устав КПСС установил норму, в соответствии с которой пленум ЦК КПСС избирает не только Президиум (Политбюро), но и Генерального секретаря, который утверждается Съездом КПСС. Данная норма закономерно лишила Политбюро возможности смещения Генсека. Таким образом, в 1966 году в СССР появился фактический и практически несменяемый «глава государства» в должности секретаря в партийной канцелярии, который осуществлял кадровую и иную работу, обеспечивающую ее режим «личной власти».

Выводы. С момента крещения Руси и татаро-монгольского ига политическая система приобретает моноцентрический характер – персонифицированное государство и «другие», которая сохраняется на протяжении веков, обеспечивая необходимый эквилибриум в рамках архаичной политической системы. Методами поддержания равновесия выступают политические практики, направленные на: а) сакрализацию верховного правителя и ослабление потенциальных центров власти; б) сохранение доклассовой структуры социума и широкого использования популизма; в) использования различных форм клиентелизма и подкуп «элиты»; г) активное применение репрессивных и цензурных практик. Данные механизмы формируют оболочку «Русской власти», обеспечивая сохранение государственного моноцентризма. Таким образом, в разработку стратегии по демократической трансформации в России следует включить следующие основные направления: а) институционально-функциональное ослабление президентализма и усиление политических элит на основе складывания в межэлитном пространстве конкурентной среды; б) формирование современного мозаичного социума, пронизанного как внутренней, так и внешней коммуникацией; в) рационализация политических отношений и их демифологизация; г) профессионализация элит и их «социализация», связанная с реализацией принципа политического равенства; д) гуманизация социально-политических отношений. Перечисленные направления стратегии по демократической трансформации России должны быть также заложены в основу внешнеполитических стратегий стран-соседей Российской Федерации.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ Примечательно, что «государями» на Руси называли правителей в период с 1470 года по 1917 годы, предполагая под этим словом суверена, свободно распоряжающегося жизнями несвободных, холопов [12, с. 72]; в свою очередь термин «суверен» восходит к греческому слову «despotes» под которым подразумевался глава хозяйства и собственник рабов.

² В работе «Неполномощные законы. К психологии русской исполнительной власти» А. фон Бринкман рассматривает опрочину в широком смысле, как традиционный для российской политической системы институт, призванный умножить властный потенциал самодержца. В данном случае самодержцы использовали концепт разделения «института»: «опрочина» противопоставлялась «земству»; а также популистские практики, когда принимаемые царем законы исполнялись «опрочниками» в рамках формулы — «все равно из этого ничего не выйдет» [2].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ:

1. Афанасьев М. Н., 2000. Клиентелизм и российская государственность: Исследование клиентарных отношений, их роли в эволюции и упадке прошлых форм российской государственности, их влияния на политические институты и деятельность властвующих групп в современной России. – 2-е изд., доп. – М.: Московский общественный научный фонд. – 318 с. (Серия «Монографии», выпуск 9).
2. Бринкман фон А., 2006. Неполномощные законы. К психологии русской исполнительной власти // ПОЛИС: Политические исследования. - № 1. – С. 110-121.
3. Гернег М. Н., 1941. История царской тюрьмы. Том I. - М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР. – 248 с.
4. Голубев А. А., 2010. Железнодорожная символика в нагрудных знаках наградной системы Российской империи // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. – Вып. 2. - Т. 4. - С. 72-87.
5. Горылев А. И., Зеленев А. В., 2008. Особенности становления избирательного права в России // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. - № 5. – С. 186-194.
6. «Дядя Коля» против... Записные книжки епископа Варнавы (Беляева) 1950-1960., 2010 - Нижний Новгород. – 864 с.
7. Ерошкин Н. П., 1960. «Очерки истории государственных учреждений дореволюционной России»: пособие для учителей. - М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР. – 396 с. URL: <http://historic.ru/books/item/f00/s00/z0000148/>.
8. Журавлев В. П., Фортунатов В. В. Избирательное законодательство и выборы в 1937-1987 гг. URL: http://www.rcoit.ru/elect_history/1918-1990/17084/.
9. Император Николай II и Православная Церковь. URL: <http://www.3rm.info/3821-imperator-nikolaj-ii-i-pravoslavnaya-cerkov.html>.
10. Истер Дж. М., 2010. Советское государственное строительство. Система личных связей и самоидентификация элиты в Советской России [пер. с англ. Т. Н. Саранцевой]. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина». – 255 с. URL: <http://www.fedy-diary.ru/html/052012/11052012-01a.html>.
11. Карацуба И., Курукин И., Соколов Н. Выбирая свою историю. «Развилки» на пути России: от рюриковичей до олигархов./ 1881. Плоды ананасного манифеста. URL: http://www.telenir.net/istorija/vybiraja_svoyu_istoriyu_razvilki_na_puti_rossii_ot_ryurikovichei_do_oligarhov/p18.php.
12. Ключевский В. О., 1914. История сословий в России. 2-е изд. – М.: Типография П. П. Рябушинского. – 253 с.
13. Кордонский С. Г. Мы живем в остановленное время. URL: <http://www.tv2.tomsk.ru/real/nashe-proshloe-nastoyashchee-i-budushchee-eto-ostanovlennoe-vremya>.
14. Краткий курс истории ВКП(б). Глава XII Партия большевиков в борьбе за завершение строительства социалистического общества и проведение новой конституции (1935-1937 годы). URL: <http://stali>.
15. Курдюмов М. Г., 1930. Православие и Большеизм // Путь. - № 22 (июнь). - С. 67-92.
16. Куртуа С., Верт Н., Панне Ж-Л., Пачковский А., Бартосек К., Марголин Дж-Л., 2001. Черная книга коммунизма. Преступления, террор, репрессии. 95 миллионов жертв. Пер. с франц. - М.: Три века истории. - 768 с.
17. Ленин В. И., 1972. Полное собрание сочинений. - Т. 11. - М.: Издательство политической литературы. - 589 с.
18. Лубянка: Сталин и ВЧК - ГПУ - ОГПУ - НКВД, январь 1922 - декабрь 1936 / Сост.: Хаустов В. Н., Наумов В. П., Плотникова Н. С.; Международный фонд «Демократия» (Россия), Изд-во Йельского ун-та (США). - М.: Материк, 2003. – 912 с.
19. Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. 1937-1938 / Сост.: Хаустов В. Н., Наумов В. П., Плотникова Н. С. – М.: Материк, 2004. – 738 с.
20. Лубянка: Сталин и МГБ СССР, март 1946 - март 1953 / Сост.: Хаустов В. Н., Наумов В. П., Плотникова Н. С. - М.: Материк, 2007. – 652 с.
21. Лубянка: Сталин и НКВД-НКГБ-ГУКР «Смерш», 1939 - март 1946 / Сост.: Хаустов В. Н., Наумов В. П., Плотникова Н. С. - М.: Международный фонд «Демократия». – М.: Материк, 2006. – 640 с.
22. Мироненко К. Н., 1958. Манифест 17 октября 1905 г. // Вопросы государства и права. Ученые записки Ленинградского университета. - Л.: Изд-во Ленингр. ун-та. - Вып. 10. - № 255. - С. 158-179.
23. Моисеев Н. Н., 1992. Пути к созиданию. – М.: Республика. – 255 с.
24. Пайпс Р., 2008. Русский консерватизм и его критики. Исследование политической культуры / Пер. с англ.– М.: Новое издательство. – 252 с.
25. Первая российская революция и самодержавие. Государственно-правовые проблемы / Васильева Н. И., Гальперин Г. Б., Королев А. И.; Под общ. ред.: Королев А. И. - Л.: Изд-во ЛГУ, 1975. – 151 с. URL: http://nism.narod.ru/vieux/kurs/kurs_12.htm.
26. Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским / Текст подготовили Я. С. Лурье и Ю. Д. Рыков; Академия наук СССР. — Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1979. — 433 с. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Article/perep_GrKurb.php.
27. Пивоваров Ю. С., 2015. О «советском» и путях его преодоления // ПОЛИС: Политические исследования. - № 2. – С. 53-96.
28. Пивоваров Ю. С., 2006. Русская политика в ее историческом и культурном отношениях. – М.: РОССПЭН. – 167 с.
29. Платонов О. А. Святая Русь (Словарь русской цивилизации). URL: http://thelib.ru/books/platonov_o/svyataya_rus_encyklopedicheskij_slovar_russkoy_civilizacii-read-72.html.
30. Проект Положения о Комитете государственной безопасности при Совете Министров СССР. Утвердить с принятой на заседании Президиума ЦК поправкой проект Положения о Комитете государственной безопасности при Совете Министров СССР и его органах на местах (приложение – особая папка). РГАН. Ф. 4. Оп. 13. Д. 45. Л. 79-83. Подлинник. На бланке ЦК КПСС. URL: <http://shieldandword.mozohin.ru/documents/statement9159.htm>.
31. Прутенко С. М., 1899. Сибирские окраины. Историко-юридические очерки. Приложения. СПб.: Типография А. С. Суворина. – 532 с.
32. Пуздрач Ю. В., 2001. Становление конституционализма в России (теоретический и исторический аспекты развития российской государственности): Дисс... д-ра и. н. – М.: Московская гуманитарно-социальная академия. – 360 с.
33. Пушкирев С. Г., 1991. Обзор русской истории. - М.: Наука. – 390 с.

34. Розов Н. С., 2011. Колея и перевал: макросоциологические основания стратегий России в XXI веке. - М.: РОССПЭН. – 735 с.
35. Русская историческая библиотека. Начало правления Ивана Грозного. URL: <http://rushiist.com/index.php/russia-children/793-nachalo-pravleniya-ivana-groznoho>.
36. Скрынников П. Г., 1975. Иван Грозный. – М.: Наука. - 278 с.
37. Солоневич И. Л., 2010. Народная монархия / Отв. ред. О. Платонов. — М.: Институт русской цивилизации. – 624 с.
38. Сперанский М. М., 1961. Проекты и записки. - М.-Л. – 245 с.
39. Статут Имперского ордена Св. Апостола Андрея Первозванного. // Свод Учреждений Государственных, книга VIII, раздел II, глава 2-я., 1892.
40. Устав о цензуре: [Утв. 22 апр. 1828 г.: с приложением Штатов и Положения о правах сочинителей]. – Санкт-Петербург: тип. Деп. нар. прос., 1829. // Устав о цензуре. Утв. 22 апреля 1828 г. – М.: Книга по требованию, 2012. – 13 с.
41. Хальбвакс М., 2000. Социальные классы и морфология. - М.; СПб: Ин-т экспериментальной социологии. - Алетея. - 506 с.
42. Ярмолич Ф. К., 2010. Цензура на Северо-Западе СССР. 1922-1964 гг.: Автореф. дисс... к. и. н. – СПб: Санкт-Петербургский государственный университет. – 24 с.

REFERENCES:

1. Afanasev, M. N., 2000. Klientelizm i rossiyskaya gosudarstvennost: Issledovanie klientarnykh otnosheniy, ih roli v evolyutsii i upadke proshlykh form rossiyskoy gosudarstvennosti, ih vliyaniya na politicheskie instituty i deyatelnost vlastvuyuschih grupp v sovremennoy Rossii [Clientelism and Russian statehood: The study of client relations, their role in the evolution and decline of past forms of Russian statehood, their influence on political institutions and the activities of ruling groups in modern Russia]. 318. Moskovskiy obshchestvennyy nauchnyy fond, Moscow (in Russian).
2. Brinkman fon A., 2006. Nepolnomoschnyye zakony. K psikhologii russkoy ispolnitelnoy vlasti [Non-authoritative laws. To the psychology of the Russian executive branch]. Politicheskie issledovaniya, 1, 110-121. POLIS (in Russian).
3. Gerneq, M. N., 1941. Istoriya tsarskoy tyurmy [The history of the royal prison]. Vol. 1, 248. Yurid. izd-vo NKYu SSSR, Moscow (in Russian).
4. Golubev, A. A., 2010. Zheleznodorozhnaya simvolika v nagrudnykh znakakh nagradnoy sistemy Rossiyskoy imperii [Railway symbols in the breastplates of the award system of the Russian Empire]. Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina 2, 4, 72-87 (in Russian).
5. Gorylev, A. I., Zelenov, A. V., 2008. Osobennosti stanovleniya izbiratel'nogo prava v Rossii [Features of the formation of electoral law in]. Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo 5, 186-194. (in Russian).
6. «Dyadya Kolya» protiv... Zapisnye knizhki episkopa Varnavyi (Belyaeva) 1950-1960 [«Uncle Kolya against ... Notebooks of Bishop Barnabas (Belyaev) 1950-1960]. 2010, 864. Nizhniy Novgorod (in Russian).
7. Eroshkin, N. P., 1960. «Ocherki istorii gosudarstvennykh uchrezhdeniy dorevolutsionnoy Rossii»: posobie dlya uchiteley [«Essays on the History of State Institutions of Pre-Revolutionary Russia»: A Handbook for Teachers]. 396. Gosudarstvennoe uchebno-pedagogicheskoe izdatelstvo ministerstva prosveshcheniya RSFSR, Moscow. Access: <http://historic.ru/books/item/f00/s00/z0000148/>. (in Russian).
8. Zhuravlev, V. P., Fortunatov, V. V. Izbiratel'noe zakonodatel'stvo i vyibory v 1937-1987 gg. [Electoral legislation and elections in 1937-1987]. Access: http://www.rcoit.ru/elect_history/1918-1990/17084/. (in Russian).
9. Imperator Nikolay II i Pravoslavnaya Tserkov [Emperor Nicholas II and the Orthodox Church]. Access: <http://www.3rm.info/3821-imperator-nikolaj-ii-i-pravoslavnaya-cerkov.html> (in Russian).
10. Ister, Dzh. M., Sarantsev, T. N., 2010. Sovetskoe gosudarstvennoe stroitel'stvo. Sistema lichnykh svyazey i samoidentifikatsiya elity v Sovetskoy Rossii [Soviet state building. The system of personal ties and the self-identification of the elite in Soviet Russia]. 255. Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN); Fond «Prezidentskiy tsentr B. N. Eltsina», Moscow. Access: <http://www.fedy-diary.ru/html/052012/11052012-01a.html> (in Russian).
11. Karatsuba, I., Kurukin, I., Sokolov, N., 1881. Vybiraya svoyu istoriyu. «Razvilki» na puti Rossii: ot ryurikovichey do oligarhov [Choosing your story. «Razvilki» the way of Russia: from rurikovich to oligarchs]. Plody ananasnogo manifesta. Access: http://www.telenir.net/istorija/vybiraya_svoyu_istoriyu_razvilki_na_puti_rossii_ot_ryurikovichei_do_oligarhov/p18.php (in Russian).
12. Klyuchevskiy, V. O., 1914. Istoriya sosloviy v Rossii [History of estates in Russia]. 253. Tipografiya P. P. Ryabushinskogo, Moscow (in Russian).
13. Kordonskiy, S. G. Myi zhivem v ostanovlennoe vremya [We live in a stopped time]. Access: <http://www.tv2.tomsk.ru/real/nashe-proshloe-nastoyashchee-i-budushchee-eto-ostanovlennoe-vremya> (in Russian).
14. Kratkiy kurs istorii VKP(b). Glava XII Partiya bolshevikov v borbe za zavershenie stroitel'stva sotsialisticheskogo obshchestva i provedenie novoy konstitutsii (1935-1937 godyi) [A short course in the history of the CPSU (b). Chapter XII The Bolshevik Party in the struggle to complete the building of a socialist society and the implementation of a new constitution (1935-1937)]. Access: <http://stali>. (in Russian).
15. Kurdyumov, M. G., 1930. Pravoslaviye i Bolshevizm [Orthodoxy and Bolshevism]. Put 22, 67-92 (in Russian).
16. Kurtua, S., Vert, N., Panne, Zh-L., Pachkovskiy, A., Bartosek, K., Margolin, Dzh-L., 2001. Chernaya kniga kommunizma. Prestupleniya, terror, repressii. 95 millionov zhertv [The Black Book of Communism. Crimes, terror, repression. 95 million victims]. 768. Tri veka istorii, Moscow (in Russian).
17. Lenin, V. I., 1972. Polnoe sobranie sochineniy [Full composition of writings]. Vol. 11, 589. Izdatel'stvo politicheskoy literatury, Moscow (in Russian).
18. Haustov, V. N., Naumov, V. P., Plotnikova, N. S., 2003. Lubyanka: Stalin i VChK - GPU - OGPU - NKVD, yanvar 1922 - dekabr 1936 [Lubyanka: Stalin and the Cheka - GPU - OGPU - NKVD, January 1922 - December 1936]. 912. Mezhdunarodnyy fond «Demokratiya» (Rossiya), Izd-vo Yelskogo un-ta (SShA); Materik, Moscow (in Russian).
19. Haustov, V. N., Naumov, V. P., Plotnikova, N. S., 2004. Lubyanka. Stalin i Glavnoe upravlenie gosbezopasnosti NKVD. 1937-1938 [Stalin and the Main Department of State Security of the NKVD. 1937-1938]. 738. Materik, Moscow (in Russian).

20. Haustov, V. N., Naumov, V. P., Plotnikova, N. S., 2007. Lubyanka: Stalin i MGB SSSR, mart 1946 - mart 1953 [Lubyanka: Stalin and the USSR MGB, March 1946 - March 1953]. 652. Materik, Moscow (in Russian).
21. Haustov, V. N., Naumov, V. P., Plotnikova, N. S., 2006. Lubyanka: Stalin i NKVD-NKGB-GUKR «Smersh», 1939 - mart 1946 [Lubyanka: Stalin and the NKVD-NKGB-GURK «Smersh», 1939 - March 1946]. 640. Mezhdunarodnyiy fond «Demokratiya»; Materik, Moscow (in Russian).
22. Mironenko, K. N., 1958. Manifest 17 oktyabrya 1905 g. [Manifesto October 17, 1905]. Voprosy gosudarstva i prava. Uchenyie zapiski Leningradskogo universiteta 10, 255, 158-179. Izd-vo Leningr. un-ta, Lviv (in Russian).
23. Moiseev, N. N., 1992. Puti k sozidaniyu [Ways to create]. 255. Respublika, Moscow (in Russian).
24. Payps, R., 2008. Russkiy konservatizm i ego kritiki. Issledovanie politicheskoy kulturyi [Russian conservatism and its critics. Study of political culture]. 252. Novoe izdatelstvo, Moscow (in Russian).
25. Vasileva, N. I., Galperin, G. B., Korolev, A. I., Korolev, A. I., 1975. Pervaya rossiyskaya revolyutsiya i samodержavie. Gosudarstvenno-pravovyye problemy [The first Russian revolution and autocracy. State legal problems]. 151. Izd-vo LGU, Lviv. Access: nism.narod.ru/vieux/kurs/kurs_12.htm (in Russian).
26. Lure, Ya. S., Ryikov, Yu. D., 1979. Peregiska Ivana Groznogo s Andream Kurbskim [Correspondence between Ivan the Terrible and Andrei Kurbsky]. Akademiya nauk SSSR. 433. Nauka, Leningradskoe otdelenie, Lviv. Access: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Article/perep_GrKurb.php (in Russian).
27. Pivovarov, Yu. S., 2015. O «sovetskom» i putyah ego preodoleniya [About the «Soviet» ways to overcome it]. Politicheskie issledovaniya 2, 53-96. POLIS (in Russian).
28. Pivovarov, Yu. S., 2006. Russkaya politika v ee istoricheskom i kulturnom otnosheniyah [Russian politics in its historical and cultural relations]. 167. ROSSPEN, Moscow (in Russian).
29. Platonov, O. A. Svyataya Rus (Slovar russkoy tsivilizatsii) [Holy Russia (Dictionary of Russian civilization)]. Access: http://thelib.ru/books/platonov_o/svyataya_rus_enciklopedicheskiy_slovar_russkoy_civilizacii-read-72.html. (in Russian).
30. Proekt Polozheniya o Komitete gosudarstvennoy bezopasnosti pri Sovete Ministrov SSSR. Utverdit s prinyatoy na zasedanii Prezidiuma TsK popravkoy proekt Polozheniya o Komitete gosudarstvennoy bezopasnosti pri Sovete Ministrov SSSR i ego organah na mestah (prilozhenie – osobaya papka) [Draft Regulations on the State Security Committee under the Council of Ministers of the USSR. To approve, with the amendment adopted at the meeting of the Presidium of the Central Committee, the draft Regulation on the State Security Committee under the Council of Ministers of the USSR and its local bodies (the annex is a special folder)]. RGANI. F. 4. Op. 13. D. 45. L. 79-83. Podlinnik. Na blanke TsK KPSS. Access: <http://shieldandsword.mozohin.ru/documents/statement9159.htm>. (in Russian).
31. Prutchenko, S. M., 1899. Sibirskie okrainyi. Istoriko-yuridicheskie ocherki. Prilozheniya [The Siberian outskirts. Historical and legal essays]. 532. Tipografiya A. S. Suvorina, SPb. (in Russian).
32. Puzdrach, Yu. V., 2001. Stanovlenie konstitutsionalizma v Rossii (teoreticheskiy i istoricheskiy aspektyi razvitiya rossiyskoy gosudarstvennosti) [Formation of constitutionalism in Russia (theoretical and historical aspects of the development of Russian statehood)]. 360. Moskovskaya gumanitarno-sotsialnaya akademiya, Moscow (in Russian).
33. Pushkarev, S. G., 1991. Obzor russkoy istorii [Review of Russian history]. 390. Nauka, Moscow (in Russian).
34. Rozov, N. S., 2011. Koleya i pereval: makrosotsiologicheskie osnovaniya strategiy Rossii v XXI veke [Track and Pass: Macrosociological Foundations of Russia's Strategies in the 21st Century]. 735. ROSSPEN, Moscow (in Russian).
35. Russkaya istoricheskaya biblioteka. Nachalo pravleniya Ivana Groznogo [Russian Historical Library. The beginning of the reign of Ivan the Terrible]. Access: <http://rushist.com/index.php/russia-children/793-nachalo-pravleniya-ivana-groznogo>
36. Skrynnikov, R. G., 1975. Ivan Groznyiy [Ivan the Terrible]. 278. Nauka, Moscow (in Russian).
37. Solonevich, I. L., Platonov, O. 2010. Narodnaya monarhiya [The People's Monarchy]. 624. Institut russkoy tsivilizatsii, Moscow (in Russian).
38. Speranskiy, M. M., 1961. Proekty i zapiski [Projects and notes]. 245. Nauka, Moscow (in Russian).
39. Statut Imperskogo ordena Sv. Apostola Andreyia Pervozvannogo [Statute of the Imperial Order of St. Andrew the Apostle]. Svod Uchrezhdeniy Gosudarstvennyih, kniga VIII, razdel II, glava 2-ya., 1892 (in Russian).
40. Ustav o tsenzure [Utv. 22 apr. 1828 g.: s prilozheniem Shtatov i Polozheniya o pravah sochiniteley] [The Charter of Censorship: [Approved. 22 Apr. 1828: with the application of the States and the Regulations on the Rights of Writers]]. 1829. Ustav o tsenzure. Utv. 22 aprelya 1828 g. Sankt-Peterburg: tip. Dep. nar. pros. 13, 2012. Kniga po trebovaniiyu, Moscow (in Russian).
41. Halbvaks, M., 2000. Sotsialnyie klassyi i morfologiya [Social classes and morphology]. 506. Aleteyya, Moscow; In-tekst eksperimentalnoy sotsiologii, SPb. (in Russian).
42. Yarmolich, F. K., 2010. Tsenzura na Severo-Zapade SSSR. 1922-1964 gg. [Censorship in the North-West of the USSR. 1922-1964]. 24. Sankt-Peterburgskiy gosudarstvennyiy universitet, SPb. (in Russian).